

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. В. Савинов

Незнакомый Шеллинг

В петербургском издательстве «Миръ» вышел сделанный И. Фокиным перевод «Лекций о методе университетского образования». Они занимают в более чем трехсотстраничном издании менее полутора сотни страниц (с. 3–137), но в качестве фрагмента философской системы требуют развернутого и многопланового комментария. Эту задачу выполняют статья переводчика «Университетская реформация Шеллинга» (с. V–LXXXVIII) и систематическое описание натурфилософии Шеллинга из VI тома «Истории новой философии» К. Фишера, не переиздававшегося в России с начала прошлого века¹ (с. 141–345).

Вступительная статья Ивана Фокина предназначена для того, чтобы показать, «какова же была почва, на которой Шеллингу предстояло возвести здание университетского образования и науки» (с. VII). Соответственно, она делится на разделы о предшествовавшем выступлению Шеллинга методе образования и идее науки, о философских предпосылках этого выступления, содержащихся в учении самого Шеллинга, и наконец, очерк его «Системы научного и университетского образования». В первом разделе автор статьи говорит об идее воспитания в эпоху Просвещения, от Винкельмана до Фихте. Опираясь на точку зрения К. Фишера, Фокин говорит о развитии конгениального познания, открывающего уникальность своих предметов. Конгениальному познанию соответствует гениальность познающего, в котором открывается универсальная сила постижения Целого. В воспитании этой способности Иван Фокин видит преемственность мысли немецких просветителей. Однако, при общей справедливости этого суждения, нельзя не отметить значительной роли французского Просвещения, предложившего в творчестве Руссо (а его влияние на Канта очевидно) идею гармонического развития свойственных человеку способностей и талантов. Данного обстоятельства Фишер не учитывает.

Следующий за этим раздел о философском развитии Шеллинга до 1802 г. имеет самостоятельное и важное значение, если учесть, что в русской литературе о Шеллинге этому этапу его развития уделяется очень мало места. Особо следует отметить, что вместе с *логикой* развития системы натурфилософии, в статье отражен и *пафос* становления оригинального философствования Шеллинга, что важно для понимания его духовной биографии. Наконец, освещается «Система образования Шеллинга». Достоинством изложения является стремление автора выявить цельный образ этого феномена и его значение для развития *всей* системы абсолютного тождества. Конечно, сухой пересказ текста Лекций был бы бесполезен для этой цели, поэтому выбранная И. Фокиным форма отвечает особенностям самого стиля Шеллинга. Итак, этой публикацией русскому читателю открывается совершенно неизвестная для него сторона философии Шеллинга, и расстановка акцентов здесь очень важна.

¹ См.: Фишер К. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение / пер. Н. Лосского. – СПб., 1905.

Приоритет именно педагогического смысла этого текста соответствует замыслу Шеллинга и адекватно представляет ту задачу, которую он ставил в своих Лекциях.

Классическая работа Фишера не нуждается в рекомендациях: ее фундаментальность и широта охвата говорят сами за себя. Изложение одной только натурфилософии занимает у Фишера больше места, чем весь раздел о Шеллинге в большинстве популярных, справочных и учебных русских изданиях. Необходимость работы *такого* уровня самоочевидна. Но именно основательность обычно и пугает читателя. Ему следует напомнить, что дело не в педантизме и въедливости писателя (отсутствием стиля Фишер не страдал), а в особенности духа эпохи. Фишер писал во время господства позитивизма и натурализма, когда прозрачность философского разума была заменена рассудочной ясностью и экспериментальной очевидностью. Классическая философия стала непонятна и близок был момент, когда ее вовсе объявят лишней. Писать историю философии в таких условиях, делать понятной метафизику для такого рода людей, цель уникальная: в лице Фишера (заочного ученика Гегеля), в его трудах отразилась первая реакция на позитивизм, попытка сделать вновь актуальной идею подлинного мышления. Для этого следовало постичь ее существо, метод и те результаты, которые она принесла. Историческую задачу (говоря словами Шеллинга) Фишер преобразовал в продуктивную, и умалить его заслуги невозможно.

Теперь обратимся к самому Шеллингу. Его Лекции – это серьезный философский курс, но чтение их увлекательно и поучительно. Возражение здесь может быть другое: философия Шеллинга – это музейный экспонат, артефакт славного прошлого, или нечто большее? Ведь мы живем не столько под сенью славы Канта и Гете, сколько в ситуации пост-перспективного мышления.

Вот лишь некоторые суждения Шеллинга. «Каждая наука, кроме своей собственной, имеет еще и сторону, общую с искусством. Это сторона формы, которая в некоторых науках даже совершенно неотделима от материала» (с. 29). Вспомним, что идеал науки как автономной области знания, или вообще знания как такового – это свобода от всяких дополнительных, кроме точности и проверяемости, определений. Многим сопоставление науки и искусства показалось бы просто оскорбительным. Только в 60-х годах XX в. мыслящие ученые заговорили о гетерономности разных областей знания². А. Пикок, в итоге, одним из критериев удовлетворительности объяснения, наряду с научными, вводит и такой: простота и элегантность. Эстетическое качество, подтверждающее научность. Шеллинг заговорил об этом в 1803 г.

Далее, научное сознание обращается к эксперименту, надеясь в нем обрести точное и независимое подтверждение своим выводам. Хотя Юм, а затем Кант ставили под сомнение полную адекватность результатов опыта, наука говорила о безусловности таковых. Лишь постпозитивизм и современная философия науки выявили преднамеренность

² Ср. следующий пассаж из Лекций: «Каждый минерал есть истинная филологическая проблема. Геология еще ожидает своего Вольфа, который, точно также как Гомера, исследует землю и покажет ее состав» (с. 35).

экспериментального метода и всего научного знания, причем определяемую не только понятийным или методологическим аппаратом науки, но и ценностной ориентацией научного сообщества. Уместно вспомнить, что именно Шеллинг задумался: «опыт хорош, если он подлинный, но вопрос и состоит как раз в том, является ли он таковым и если да, то что же в опыте является собственно познанным?» (с. 20). Ответ Шеллинга таков: «Настоящий, действительный опыт определяется лишь посредством идеи», т. е. смыслового, ценностного и познавательного потенциала, как сказали бы мы. Отражение в опыте идеи означает соответствие этого опыта реальности.

Но Шеллинг – человек совсем другого времени: эпохи подъема и роста научного знания. А мы живем в период кризиса сциентистского мировоззрения и не можем даже быть уверены, «была ли война в Заливе» – не то, что о космогенезе рассуждать. Был ли Шеллинг «наивен» в отношении науки?

Он говорит, что «изучение наук в их историческом развитии стало родом религии» (с. 16). Но религия может обратиться из динамической в статутарную и закоснеть в самоуверенности – этот упрек Шеллинг адресует современному ему научному сообществу. Не похоже ли это на нынешние рассуждения о науке как новой религии, претендующей не только на аналогичную достоверность, но и общезначимость (П. Фейерабенд)? Не актуально ли звучат размышления Шеллинга о «бесформенности, имеющиеся в большинстве объективных наук, о той бесформенности,.. о той тупости, которая не возвышается над особенным и которая даже не подозревает, что она должна в чувственном материале показать также нечувственное и всеобщее» (с. 21). Далее, не является ли самым распространенным и популярным обвинение науки в дегуманизации человека и его отношения к миру? Шеллинг приводит пример геометрии (с. 12): она хороша, когда надо построить дом или измерить поле, но данные геометрии активно применяются и для ведения войн. Так как «война совершенно противна всеобщей человеческой любви», то соответственно падает и ценность геометрии! Шеллинг отвергает такое мнение как суждение «об этой пошлой обыденности», не имеющее ничего общего ни с наукой, ни с мышлением вообще.

Только просвещение помогает избежать этих капканов. Стало быть, вновь поднимается проблема образования, не менее остро, чем в начале XIX в. И обсуждаемая ныне идея «*интерактивного образования*» как лучшего способа представления научного знания также находит своим автором (забытым!) Шеллинга. Он говорит: «Подлинное преимущество живого способа обучения и заключается в том, что преподаватель не выставляет голые результаты, но излагает самый способ их достижения и как раз перед глазами студента заставляя как бы впервые возникнуть научное Целое» (с. 24).

Итак, Шеллинг может быть весьма любопытен не только как крупнейший представитель классической философии, но и с точки зрения топосов постклассического философствования. Он – самый инновационный мыслитель в ряду немецких классиков, а это качество весьма ценится в наше время. Кстати, комплекс идей, которые мы рассмотрели выше, это

лишь отдельные моменты содержания *первых двух лекций* (а всего их – четырнадцать!).

Теперь зададимся главным вопросом: какое значение тема этих лекций имела для *самого Шеллинга*?

Со времен Декарта в европейской философии развивалась идея *mathesis universalis* (всеобщей научной методологии). Скептицизм Юма, с одной стороны, и стремительное развитие экспериментальных наук, с другой, поставили эту идею под сомнение. Речь шла не только о возможности науки, но о том, как вообще возможно знание и что в нем может быть реализовано в жизни. Эти проблемы разрешила немецкая классическая философия. Идея *mathesis universalis* сохраняет свое значение: у Канта она осуществляется в программе трансцендентальной логики, у Фихте – в дедуктивной системе наукоучения, а Шеллинг и Гегель разработали оригинальные варианты диалектики. Чтобы познать мир как интеллигенцию, философия из царства вечных истин переходит в поток жизни, временной и активной. Это зафиксировал Шеллинг в своем определении действительного объекта, т. е. подлинного предмета знания: «Действителен тот объект... который положен и как бы брошен во время рефлексирования, направленным на реальную деятельность»³.

Рефлексия реальной деятельности приобретала различные грани. У Канта и Фихте – это по-преимуществу сфера права и морали. Гегель делает диалектику основой «Энциклопедии» – способа представления и организации всей совокупности знаний. Путь Шеллинга уникален: на этапе чтения своих лекций (завершив к 1802 г. предварительные исследования в трансцендентальной области) он практическую сторону своей философии полагает в образовании. Идея *mathesis universalis* непосредственно реализует себя в идеале *paedagogia universalis*. Это динамичная система функционирования знания в обществе. А таковая может быть представлена именно как философия образования. Это в своем роде синтез двух предыдущих подходов, сочетающий моральную обращенность к человеку со строгостью подлинной научности. Шеллинг говорит, что его задача – «образование согласно разуму мышления... образование, которое становится сущностью самого человека и которое только и является истинно научным» (с. 27). Оно же есть одновременно соединение с Абсолютом (с. 12, 37). За этими рассуждениями выступает глубочайшая связь Шеллинга с античностью: не является ли идеал знания у Шеллинга аналогичным идеалу эллинской пайдеи, где высшим принципом было единство бытия и мышления. Таким представляется место шеллинговой «университетской реформации» в истории мысли.

Пришло время сказать несколько слов и о самом издании лекций в ситуации современной российской жизни. Появление его ставит вопрос о степени изученности шеллингова наследия в России. Вывод неутешительный. Хотя постепенно появляются переводы его работ, очевидно, издание его Собрания сочинений – дело не близкого будущего. С другой стороны, на фоне демонтажа классической системы высшего образования (это происходит и в Европе, и в России), издание авторов,

³ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М., 1987. – С. 397.

стоявших у истоков современного университета, должно отрезвить реформаторов и заставить общество осознать ценность образования. Будем надеяться, что эта книга и книги, подобные ей, помогут в этом.